

27 марта 1982 года.

Сегодня — Международный день театра

Театр... Старый и всегда неожиданно новый. Как река — будто бы и течет испокон веков в привычных берегах, а всегда вода в ней иная, новая. Искусство театра — самое непрочное, хрупкое, полное таинства, где инструмент и средство, и причина, и начало всех начал — сам человек.

Самое «неблагодарное» из искусств. Художник, попирая время, остается жить в картинах, скульптурах; композитор воплощается в звуках. Веками живут книги. А театр остается только в нас. Существование театра — пример бескорыстия и самоотверженности. Он существует, живет, творит для нас с вами. Одним дыханием с нами дышит. Мучается, мечется в поисках истинного, страдает, торжествует, находя... Все ради нас, живущих сегодня.

Неповторимость его творений делает театр совсем особым видом искусства, которое неизменно привлекает внимание, волнует, будора-

жит душу, дает пищу для ума и сердца каждого.

Искусство театра не знает границ, язык его интернационален. Киевляне, например, не однажды убеждались в этом на спектаклях театра «Дружба», с успехом принимавшего в последние годы коллективы братских республик из Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Белоруссии...

Гостил в Киеве в канун своего 60-летия, которое отмечалось в феврале. И Ленинградский Государственный орден Ленина театр имени А. А. Брянцева, Заслуженный коллектив — он лауреат премии Ленинского комсомола — возглавляет народный артист РСФСР, профессор З. Я. Корогодский.

Во время гастролей корреспондент «Комсомольского знамени» Л. ВОЙТЕНКО встретилась с главным режиссером театра З. Я. КОРОГОДСКИМ. Предлагаем вам запись их беседы.

ЧТОБЫ БЫЛ ДОБРЫМ УМ, А СЕРДЦЕ — УМНЫМ

— Неужели есть на свете люди, которые могут жить без театра? Мне они кажутся подозрительными... Значит, что-то в их жизни сложилось не так...
Из выступления З. Я. Корогодского на творческом вечере ЛенТЮЗа.

— Зиновий Яковлевич! Ленинградский ТЮЗ стал не только театром Детства, Отрочества и Юности. С ним не расстаются и взрослые. Я сама не раз убеждалась в этом на ваших спектаклях в Ленинграде. И совершенно блестящим подтверждением тому стал спектакль «Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!», показанный киевлянам. Детский спектакль — игра в мультфильм, рассчитанный на младших школьников, по недоразумению был поставлен на вечернее время. В зрительном зале, как всегда, ни одного пустого места, но и ни одного ребенка (не считая тех нескольких, случайно «прорвавшихся» с родителями)...

Готова спорить, что даже вам стало не по себе, когда вы увидели такую аудиторию... Я же, признаюсь, с тревогой ждала, что из этого получится.

Ну, а как живо реагировал этот «взрослый» зал по ходу, какую овацию устроили после спектакля, вы, конечно, помните?

Это был небывалый успех, настоящая победа театра. В чем, по-вашему, секрет?

— Особых секретов здесь, мне кажется, нет. Просто любовью спектакль, — я имею в виду не наш, а вообще театр, — должен быть зрелищным, динамичным, пронизанным нестандартной мыслью и искренним чувством. Тогда он будет смотреться. При условии высокой степени профессионализма исполнителей он может быть интересен зрителю любой возрастной категории.

Принципиально неверно смотреть на детей, как на «неполноценных» зрителей, для которых надо все упрощать, белое называть белым, черное — черным. Наш современный юный зритель в состоянии сам определить, «что такое хорошо и что такое плохо». Наша задача только натолкнуть его на это, тактично подсказать. Вывод, который ребенок сделает сам, в тысячу раз ценнее для его развития и становления как личности, чем все те безусловно правильные вещи, которые ему навязываются в готовом виде.

И самое главное — спектакль для детей не имеет права быть скучным, назидательным. Мы в своей практике придерживаемся того мнения, что в театр ребенку, особенно на первых порах, лучше всего ходить с родителями. То есть театр, как почва для взаимного общения взрослых и детей, для установления более тесных интеллектуальных, духовных контактов, сближения, если хотите, поколений отцов и детей.

Мы стремимся, чтобы здесь, в театре, ребенок впервые познал радость от встречи с искусством, задумался о высоком предназначении человека на земле, научился видеть многообразие мира. Мы стараемся научить зрителей размышлять над простыми жизненными конфликтами, об извечном противоборстве добра и зла, об ответственности за свое место в этом мире...

Круг проблем, как видите, настолько широк, что плодотворно говорить о них можно только со зрителем, к которому относимся с неизменным искренним уважением и доверием, не заигрывая, не поучая. Только на равных. Только с максимальной серьезностью и самоотдачей.

— Возможно, в этом и весь секрет?.. Но, Зиновий Яковлевич, говорят, что учитель не тот, который учит, а у которого учатся...

— В отношении театра это особенно справедливо. У театра есть замечательная особенность — он волнуется, он обращается непосредственно к каждому человеку. И говорит не открытым текстом — дескать, будь хорошим, ставь себя в пример, веди себя

примерно. Это было бы слишком просто — ребята не любят, когда их поучают. У театра есть другая возможность — сказать о важном не прямыми словами, а взволновать и, значит, воодушевить. А воодушевленный человек горы может сверотить.

Так вот театр — это, говоря условно, своеобразная школа чувств.

Прекрасно сказал однажды Самуил Яковлевич Маршак, обращаясь к детям — и маленьким, и большим: нужно, чтобы был у вас добрый ум, а сердце — умным...

Умным сердце делает театр. Может сделать, во всяком случае.

— Как, по-вашему, Зиновий Яковлевич, с чего начинается театр?

— Детский театр, как и любой другой, — я имею в виду его создание — начинается с потребности сказать. Сказать то, что необходимо человеку, объединившему группу...

— То есть начинается все с человека?..

— Начинается с человека или группы, которым есть что сказать. Это непеременимое условие.

Когда создание и развитие театра идет по каким-то иным путям, это, как правило, непродуктивно. Все равно театр начнется заново, с момента, когда придет человек, способный преодолеть формальный принцип организации, способный вести коллектив, коллектив единомышленников. Долгое время существовать без художественного руководителя театр, как активная творческая единица, не может. Я не верю

в творческий коллектив не возглавляемый... Потому что театр — это же оркестр. Как же может быть оркестр без дирижера!

— Вы уже много лет возглавляете отделение-студию ЛГИТМиК при ЛенТЮЗе. Что должно определять современного актера?

— Тут несколько обязательных элементов. Прежде всего, конечно, уровень школы. Как и у всякого мастера — у танцора, у пианиста, у всякого человека, который творит не как бог на душу положит, а принципиально и по законам, — должен быть уровень школы, то есть уровень профессиональной подготовки.

Во-вторых, отношение к жизни. Уровень требовательности, если можно так сказать, причастности к жизни. Актер, который не причастен к жизни во всем ее многообразии, сложности, даже при отличной школе уже неполноценен. И потом — очень высокий уровень компетентности в самом искусстве. В ценностях искусства. То есть, какие книги он любит, каких художников уважает, какую музыку ценит и т. д.

Вот эти три основных свойства, необходимые, на мой взгляд, актеру, в котором нуждается время.

— А что вы больше всего цените в человеке вообще?

— Уровень гражданского сознания. Уровень общественной причастности, когда человек не безразличен к судьбе общества, Родины, общности, к которой он принадлежит. Вот это волнение за судьбу свою и тех, кто рядом с тобой, мне кажется

самым драгоценным качеством в человеке, независимо от возраста. Ну и, конечно, надежность. Надежность в труде, в дружбе, в пути. Надежность... Это такое качество, которое свидетельствует о нравственном здоровье.

И еще я очень ценю в людях доброжелательность, уважение и интерес к младшим, то есть по сути — к будущему.

И, наконец, то, что Пушкин считал высшим критерием нравственности — «любовь к родному пепелищу...». Память и верность корням, преданность истоку, откуда ты вышел... Верность в самом широком смысле этого слова.

— Наши читатели в основ-

ном молодежь. Поэтому очень важный вопрос: как вы нашли себя, как пришли к убеждению, что именно детский театр — дело вашей жизни?

— Выбрать из множества дорог одну действительно бывает нелегко. Но не могу сказать, что я эту дорогу сознательно выбрал. Точнее, наверное, сказать — я ее не выбирал, а она сама ко мне пришла. Пришла по обстоятельствам, казалось бы, случайным, но в случайности есть и своя закономерность. Потому что уважение и симпатия к юным всегда были во мне сильны. И, вероятно, поэтому, закончив режиссерский факультет, начав театральную жизнь, я пошел еще и в педагогический институт на филологический факультет.

— Сначала был режиссерский, потом — педагогический? Я правильно поняла? Обычно, если такое и бывает, то чаще наоборот...

— Да, правильно. Вероятно, подсудно жила во мне потребность общения с юными, с теми, кто может быть учеником. И вот в итоге жизнь сложилась так, что я действительно реализовал эту свою раннее, в юности, неосознанную потребность быть учителем. Потому что театр — это и есть кафедра, как говорил Николай Васильевич Гоголь, и с нее можно сказать людям много доброго.

— Когда это произошло?

— Двадцать лет назад. В общем-то, каждого режиссера, который случайно оказывается в театре юных зрителей, искушает обычно возможность уйти во взрослый театр. Должен

совершенно искренне признаться, что меня это никогда не соблазняло. Как только я оказался в детском театре, мне это сразу показалось гораздо более значимым, привлекательным и близким всем моим творческим, духовным, человеческим устремлениям. Я ведь до детского театра двенадцать лет работал во взрослом. И, следовательно, мог бы, оказавшись в детском театре, заскучать за взрослым. А я вот не заскучал, потому что получил заряд какой-то новой для себя возможности жить, как мне кажется, наполненнее, интереснее, чем до того.

— Получается, Зиновий Яковлевич, по-вашему, что изначально заложенное в человеке — таланты, дарования, способности, — несмотря ни на что, неизменно реализуются в будущем, должны реализоваться в процессе жизни?..

— При условии активного участия в этом процессе самого человека. Ведь можно и разменять, не заметив своих природных склонностей. Я знаю, как и вы, вероятно, немало людей, которые свою жизнь превратили в «вечный поиск» себя. Они суетятся, мечутся, хватаются то за одно, то за другое. Они не могут вовремя остановиться. А в результате жизнь их часто складывается печально.

Только внимательно прислушиваясь к себе, трезво оценивая свои возможности, и главное — с большей ответственностью подходя к любому делу, за которое берешься, можно найти себе дело по душе, где реализуется все, данное тебе от природы.

— Что вы вкладываете в понятие «отдых»?

— Работу. Я не умею отдыхать. Я отдыхаю в работе. Другое дело, что она не должна быть монотонной, изнурительной от однообразия... А у меня работа различная: то репетиции, то встречи, то уроки, лекции, то различные общения, связанные с моей же работой (притом общение с такими интересными людьми!)...

Мой рабочий день начинается рано и поздно кончается, но он разнообразен и потому не утомляет. Хотя это все-таки работа, а не «чистый» отдых.

— А когда мне выпадает отдых — отпуск или вдруг какое-то воскресенье оказывается свободным, то я все равно его заполняю тем, что недоделал: недописал, недочитал, недосмотрел... Но сказать, что я умею отдыхать, — нет. Это, по моему, серьезный недостаток. А переучиться уже не могу.

— Может быть это и хорошо...

— Одни говорят — хорошо, другие, в общем, даже в какой-то мере недоумевают. Среди моих знакомых много есть людей, жизнь которых полна разными многочисленными радостями. А у меня одна вот радость, Заклиннолю меня на моем театре и на моих учениках. Тут я и замкнулся. Думаю, что это, может быть, и неверно. Хотя в то же время не могу сказать, что этот мой клин беден. Он так богат — жизни не хватит, чтобы его освоить...

— Зиновий Яковлевич, в заключенные беседы — что вы считаете необходимым сказать читателям нашей газеты?

— Мы в ответе за детей. Мы — взрослые, учителя, наставники, отцы, матери...

И все мы взрослые должны помнить свое детство и не идеализировать его. Это главное. Не нужно думать, что нынешние хуже, чем мы, когда мы были маленькими. Они не хуже, они не лучше. Они — другие. И хорошо, что другие. Было бы грустно, если бы они были такие же или были бы хуже. Тогда зачем была вся наша жизнь? И, значит, впускую шла наша энергия...

— ...А юным?

— Я хочу, чтобы вы любили театр. Даже если вы ходите в театр три-четыре раза в году. Но пусть театр занимает в вашей жизни место. Пусть он будет для вас потребностью — такой же, как есть, пить, спать, заниматься спортом. Очень важно, чтобы театр вошел в вашу жизнь, стал ее частью, и тогда он от многого вас защитит. У него есть особенность, может быть, свойственная только театру. — он вырабатывает иммунитет, защитные средства против грубости, пошлости, ограниченности, духовной бедности.

Театр должен стать вашим другом. Он ждет вас.